

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-115-121
УДК 323.2(045)

Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России

Ю.Н. Дорожкин, Э.Н. Гаекулов

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

АННОТАЦИЯ

Проблема эффективного гражданского участия и конструктивного политического протеста в современной России является одной из наиболее актуальных в силу продолжающегося нациестроительства, укрепления и расширения массового правосознания, а также активизации общественных сил в деле устойчивого социально-политического развития. В связи с этим в статье анализируется процесс цифровой трансформации российского гражданского протестного участия. Исследование базируется на положениях системного, неоинституционального и сравнительного анализа; используется статистический метод. Авторы отмечают, что политический протест граждан с применением цифровых технологий отличается ненасильственным и мирным характером, осуществляется, главным образом, в социальных сетях и кроссплатформенных мессенджерах, а также в мобильных приложениях (типа карт с возможностями проставления меток и комментариев).

Ключевые слова: гражданская активность; интернет; политический протест; цифровое общество; цифровые технологии; цифровизация

Для цитирования: Дорожкин Ю.Н., Гаекулов Э.Н. Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):115-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-115-121

ORIGINAL PAPER

Digital Transformation of Civil Protest Participation in Contemporary Russia

Yu.N. Dorozhkin, E.N. Gaetkulov

Ufa State Oil Technical University, Ufa, Russia

ABSTRACT

The problem of effective civic participation and constructive political protest in contemporary Russia is one of the most urgent because of both the ongoing nation-building, and for strengthening and expanding mass legal awareness, activating social forces in the cause of sustainable socio-political development. In this regard, the article analyzes the process of digital transformation of Russian civil protest participation. The study is based on the provisions of systemic, neo-institutional and comparative analysis, using a statistical method. The authors noted that the political protest of citizens using digital technologies is characterized by a non-violent and peaceful nature, carried out mainly in social networks and cross-platform messengers, as well as in mobile applications (such as maps with the ability to label and comment).

Keywords: civic activism; internet; political protest; digital society; digital technologies; digitalization

For citation: Dorozhkin Yu.N., Gaetkulov E.N. Digital transformation of civil protest participation in contemporary Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):115-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-115-121

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Цифровизация открыла новые возможности для артикуляции интересов общественности и самоорганизации граждан, желающих защитить свои интересы и законные права [1–3]. В последнее время наблюдается нарастание гражданской активности в социальных сетях (Facebook, VK) и мессенджерах

(Telegram, прежде всего), особенно в тех, которые обеспечивают высокий уровень приватности и не замечены в том, что передают данные о пользователях сторонним организациям и лицам [4, 5]. Именно в ходе цифровизации произошло заметное снижение роли организаций в гражданском политическом участии — прежде всего, массовых партий

классического типа и движений, которые имеют юридическую регистрацию, иерархию, нормы, утвержденные в уставах, идеи, провозглашенные в программах, и характеризуются дисциплиной. Деятельность таких объединений осуществляется с четким разделением обязанностей и функций, с постоянной работой по привлечению и обучению новых сторонников, поддержанию их лояльности и должной степени мобилизации. Как правило, наличествует определенный лидер, вдохновляющий однопартийцев и являющийся лицом организации. На сегодняшний день значение таких движений становится все слабее. Эта тенденция, которую заметили еще в 1980-е гг. К. Бейме, П. Игнаци, А. Крувель, П. Мэйр и др., коснулась и левой, и правой сторон политической сферы. В качестве причин называются изменения социальной структуры (размывание рабочего и среднего класса, миграция, повышение роли женщин и пр.); ослабление традиционных ценностей; утрата авторитета классических идеологий; подрыв общественного доверия в связи с коррупционными скандалами, сделками с действующей властью, лоббизмом; информатизация и цифровизация и т.д.

Сегодня наблюдаются нарастание значения стихийных форм политического протеста. Многие современные гражданские активисты часто объединяются спонтанно, намеренно избегают какой-либо институционализированности.

Сама по себе стихийная форма протеста известна очень давно — со времен первых незапланированных бунтов и заранее не обдуманных восстаний, отличающихся иррациональностью, начавшихся самопроизвольно возникающими группами, которые распадаются вскоре после событий. Эта форма и ее движущая сила — толпа — в политическом измерении основательно изучена еще Гюставом Лебоном и Габриэлем Тардом. В ходе исследования политических событий XX в. Владимир Бехтерев, Серж Московичи, Хосе Ортега-и-Гассет и др. добавили много важных теоретических положений, раскрывающих социопсихологическую мотивацию участников массовых политических акций.

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление специфики цифровой трансформации гражданского протестного участия в условиях современной России.

ПУТИ РЕШЕНИЯ

Для достижения цели исследования авторы провели контент-анализ 169 публикаций российских медиа, освещавших тематику массовых выступле-

ний граждан, используя неoinституциональный, системный и сравнительный анализ.

Вначале стоит определить понятия. В широком измерении политический протест можно рассматривать посредством феномена «массового движения» как силу (разрушительную или созидательную), которая питается недовольством существующим состоянием общественных и государственных дел и начинает политические изменения. Э. Хоффер считает, что «все формы приобщения к массовому движению: посвящение, преданность, верность, самоотверженность, по сути дела, — отчаянное цепляние за то, что может придать цену и значение нашей опустошенной и обанкротившейся жизни» [6]. Массовое протестное движение помогает человеку найти свое место в жизни и стать частью единой коллективной машины, устремленной к высоким целям перемен. Здесь мнение Э. Хоффера сходится с идеями Х. Арендт, которая очень обстоятельно исследовала феномен массы и массовых движений как прибежища потерянных людей, утративших социальный статус и связи [7].

В узком значении политический протест — это проявление недовольства и агрессии в политической сфере в результате ухудшения социально-экономической ситуации и появления значительного расхождения между ожиданиями и реальностью, что приводит к фрустрации [8]. Такое понимание больше всего подходит для анализа особенностей текущего политического процесса в тех странах, где наблюдается затяжной экономический упадок, постоянное сокращение политических возможностей для рядовых граждан, экспансия государства в социальную и частную сферы.

Именно массовые акции становятся каналом, с помощью которого выражается общественное недовольство. Этому способствует ряд обстоятельств. В массовых акциях индивид сохраняет анонимность, что снижает ответственность и открывает дорогу рискованным поступкам как положительного (взломывручка), так и отрицательного (вандализм, хулиганство) свойства. В связи с повсеместным распространением систем уличного видеонаблюдения участникам массовых мероприятий становится заметно труднее оставаться неузнанными. Поэтому все чаще используются кепки, банданы, маски, повязки, капюшоны, балахоны, скрывающие внешность. Необходимо учитывать свойственное массе стадное чувство, заметное снижение интеллектуального и культурного уровня тех, кто оказывается в толпе, повышение степени внушаемости, преобладание бессознательного и автоматического

в действиях толпы. На первый взгляд, масса кажется однородной, однако при ближайшем рассмотрении, видно, что она разнообразна и разнолика. Именно поэтому очень часто у массовых движений отсутствует лидер. Конечно, это не правило, а, скорее, частый случай. Сильное влияние на толпу оказывают внешние раздражители: громкие звуки (речь и музыка из усиливающих динамиков); резкие запахи, что часто используются для манипулирования эмоциями, согласно эффекту циркуляторной реакции, характеризующейся многократным усилением массовых настроений под влиянием внушения или заражения. Наиболее податливыми и восприимчивыми являются маргинальные слои.

Стремление к коллективным действиям базируется на склонности людей к совместной деятельности для эффективного достижения общей цели. На сегодняшний день чаще всего коллективные действия осуществляются в рамках таких социальных систем, которые являются гражданскими обществами. Примечательно, что люди ощущают неудовлетворенность состоянием дел в обществе и государстве тем сильнее, чем больше они уже сделали для их улучшения. Те, кто ранее не достиг каких-либо результатов, обычно не хотят чего-то большего и не подвержены сильному недовольству происходящими политическими событиями.

Ч. Тилли подчеркивает, что вторжение государства в повседневную жизнь рядовых граждан закономерно и неизбежно приводит к тому, что общественность начинает высказывать возмущение и прибегать к коллективным протестным действиям, чтобы противостоять этому [9].

Однако в современных условиях нарастание возмущения происходит в парадоксальном сочетании с тенденцией иного рода, выражающейся в кризисе политического участия, что особенно заметно в авторитарных системах. Кризис политического участия происходит в ситуации, когда находящиеся у власти группы не способны правильно понять и эффективно интегрировать политические требования общественности и не могут дать адекватный ответ и принять действенные решения на запросы со стороны общественных сил.

Кризис политического участия усугубляется спецификой авторитарных систем, правящие группы которых относятся к закрытому типу и воспроизводят сами себя, в отличие от элит демократических режимов, открытых для новых членов, в том числе, с более низким социальным статусом.

В большинстве случаев кризис политического участия возникает, когда правящий класс не от-

вечает на требования общественности и не устанавливает диалог с теми, кто стремится вовлечься в политический процесс. Причинами этой ситуации в основном могут быть:

- уверенность правящей группы в том, что только она легитимна и способна осуществлять власть в данной системе, а остальные не имеют на это прав и возможностей;
- непризнание правящей группой статуса тех, кто выдвигает требования и пытается оказать влияние на процесс принятия решений;
- неприятие правящей группой содержания требований оппонентов.

Кризис политического участия, как правило, можно разрешить в ходе институциональной адаптации или авторитарным давлением. В первом случае делаются какие-то изменения институционального дизайна (расширение перечня прав и свобод, запрет чего-то нелицеприятно и т.д.), способствующие включению требований оппонентов в повестку дня. Во втором случае система вводит запреты и репрессивные меры или делает видимость положительных изменений. Например, в авторитарных системах могут создаваться имитационные институты, принудительные формы политического участия.

В авторитарных системах, в которых права и свободы граждан серьезно ограничены и ущемлены, применение самого жестокого насилия к протестующим со стороны специальных подразделений является обычной практикой, только мирное заявление граждан о своих интересах и ненасильственное сопротивление бюрократическому и полицейскому произволу оказывается наиболее безопасным и эффективным средством. В случае некомпетентности власти, не справляющейся с возникающим и нарастающим массовым протестом, не умеющей правильно воздействовать на безусловные инстинкты, революция становится неизбежной. Так же неизбежно структуры власти слабеют и одна за другой теряют влияние. При этом залогом успеха является именно системное сочетание и последовательная реализация как можно большего количества методов с постепенным нарастанием и расширением — от разовых и немногочисленных символических акций, в том числе виртуальных (в которых нет признаков открытого противостояния со структурами власти), до крупных массовых событий в масштабах всей страны. Иными словами, необходима хорошо спланированная долгосрочная стратегия, подкрепленная дисциплиной тех, кто претворяет ее в жизнь. Такой подход позволяет привлечь даже

самых пассивных и запуганных граждан к борьбе за свои права и против незаконных действий. Речь идет о том, что в случае разрастания коррупции, увеличения числа преступлений, расширения обмана, когда реальность значительно отличается от того, что декларируется структурами власти, общественность может отказаться от повиновения этой власти. Именно тогда политический протест и даже мятеж воспринимается как нормальная реакция граждан. Особенно, если у граждан нет иных допустимых институциональных способов эффективного решения обострившихся проблем. Таким образом, при отсутствии результативных законных инструментов влияния на процесс принятия решений и на структуры власти общество имеет право для радикального выступления в защиту своих законных интересов, невзирая на средства достижения. Право народа на восстание обосновывали многие, в том числе Платон, Джон Локк и др.

Еще один важный фактор для политического участия — это политические ценности, выражающие политическое целеполагание, служащие координатами, в которых функционирует политическая система, осуществляются политические отношения и связи, действуют политические акторы. Именно политические ценности являются источником побуждения к политическим действиям (например, к революции может вдохновить идеал всеобщего равенства) или, напротив, могут останавливать их (от революции может уберечь консервативный настрой большинства). В случае отсутствия, размытости, заведомой недостижимости политических ценностей граждане остаются политически безучастными и пассивными, чем широко пользуются авторитарные системы.

Т.А. Эйк Тен показал связь между эволюцией информационно-коммуникативных технологий и ростом политических протестов [10].

В ходе информатизации граждане становятся более осведомленными, они получают новые компетенции, узнают о возможностях влияния на политику, о способах и последствиях эффективного политического участия или неучастия (тактика безбилетника). У общественности появляется понимание того, что информационно-коммуникационные технологии позволяют снизить затраты и издержки и получить более весомые преимущества от коллективных действий. Все это способствует изменению установок и логики рационально действующего индивида, и, следовательно, способствует изменению поведения всех возможных субъектов политического участия.

З. Туфекчи, исходя из данных, полученных в ходе изучения протестных движений в Турецкой республике, в которых использовались цифровые средства и технологии, показывает, что все больше рядовых граждан готовы принять участие в коллективных действиях. Более того, все больше граждан самостоятельно ставят цели, берут на себя решение организационных задач [11]. Из опросов протестующих выяснилось, что они не доверяют представителям государственной власти и не желают как-либо институционализировать движение в защиту парка Таксим-Геци в Стамбуле. Движение набрало силу в июне 2013 г. под хэштегом #occupegezi, объединило более 10 тыс. участников и получило известность ввиду жестких действий полиции, которая применила водометы и слезоточивый газ для разгона протестующих. В итоге погибло несколько человек, около 3 тыс. были арестованы. Парк удалось сохранить, и теперь его часто называют «кровавым».

Здесь речь идет об опасении потерять влияние на процесс принятия решений. Именно поэтому представителям органов государственной власти часто не дают доступ к микрофону во время митингов, как это и было в парке Таксим-Геци. Схожей позиции придерживаются во многих движениях.

В настоящее время хэштеги стали одним из наиболее эффективных и распространенных инструментов оперативного распространения сведений и привлечения внимания сторонников в интернете [12, 13]. Наиболее ярким примером начала успешного использования хештегов стала кампания в Египте в 2011 г. (#egypt), результатом которой явилась отставка президента Х. Мубарака.

Российские граждане также все более активно используют цифровые возможности [14]: например, в приложениях «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Навигатор» с помощью функции «разговорчики» пользователи ставят точку на карте и пишут комментарии протестного характера. Однако администрация «Яндекс» занялась систематической зачисткой таких комментариев на своих ресурсах. В качестве еще одного примера можно назвать события января-февраля 2021 г., когда по всей России наблюдалась массовая протестная активность граждан, в ходе которой около 90 тыс. чел. использовали для самоорганизации технические средства, мобильные приложения, социальные сети. Большое значение имеет поддержка альтернативных медиа, базирующихся в Сети и использующих в том числе стрим-каналы.

Среди наиболее крупных и масштабных случаев публичного выражения массового недовольства граждан в России стоит отметить серию митингов против монетизации льгот в 2005 г., акции против подтасовок результатов выборов в 2011–2012 гг., по сей день продолжающееся упорное многомесячное сопротивление хабаровчан, поводом для которого стало отстранение от должности законно избранного губернатора Хабаровского края 20 июля 2020 г. На региональном уровне наиболее заметным за последнее время стало крупное выступление жителей Башкирии против произвола в отношении природного памятника и объекта геологического наследия горы Долгой (Куштау), в ходе которого было выражено недоверие местной власти (3–16 августа 2020 г.). При этом против протестующих было применено открытое и немотивированное насилие со стороны работников частных охранных предприятий и полиции. Административные формы воздействия и полицейское насилие — это весьма часто используемые региональными властями способы ликвидации политико-социальных конфликтов.

Отдельно стоит отметить, как искусно политические технологии используют тему новой коронавирусной инфекции для нагнетания атмосферы страха перед большими собраниями. Кроме того, возможности для политического протеста серьезно сокращены в связи с введением ограничений в виде требований наподобие соблюдения социальной дистанции, нарушение которых наказывается весьма значительными штрафами.

Политический протест с применением цифровых технологий, как правило, отличается ненасильственным и мирным характером. Большое внимание ненасильственным средствам политического протеста уделил Д. Шарп. Исследователь выделил 198 мирных способов выразить несогласие с действующей властью, среди которых отказ от сотрудничества с властью (социальные, экономические и политические бойкоты) и пр. [15]. Именно ненасильственные методы политического протеста являются наиболее востребованными в цифровом обществе.

В то же время С. Гонзалес-Байлон и Н. Ванг критически отмечают, что социальные сети отнюдь не всегда эффективны для самоорганизации граждан и успешного коллективного действия. Исследователи на основе анализа коллективных действий в Twitter, проходящих в рамках глобальной кампании «United for Global Change» («Едины для глобальных перемен») в 2012 г., показали, что социальные сети не всегда обеспечивают быстрое

распространение сведений и согласование коллективных действий, так как там есть лидеры общественного мнения и субъекты, способные оказывать влияние на граждан [16]. Кроме того, структуры власти прилагают большие усилия для контроля за интернет-коммуникациями [17, 18].

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Итак, на наших глазах под влиянием цифровизации происходит трансформация политического участия. Если придерживаться оптимистической трактовки, то можно сказать, что политическое участие само по себе не под угрозой. С одной стороны, все меньше граждан обращаются с письмами к депутатам и готовы стать дисциплинированными членами массовых и кадровых партий и голосовать по призыву их вождей. Однако, с другой стороны, растет число тех, кто выражает требования в виде гражданских бойкотов, подписывает петиции в интернете, проводит одиночные пикеты, участвует во флешмобах, в обсуждениях проблем в социальных сетях и т.д.

Авторитарные системы, стараясь сохранить стабильность и власть, не имея возможностей (часто желания и мотивации) эффективно решать экономические проблемы, прибегают к популизму, самостоятельно перераспределяют социальные блага путем прямого вмешательства для скорейшего успокоения и недовольных, и лояльных граждан. Это не только не способствует разрешению проблем, но в долгосрочной перспективе усугубляет их, а также подрывает классическую схему политического участия, приводит к политическому кризису. В итоге система становится неустойчивой, число социальных проблем увеличивается, общественное недовольство растет, возникает политический протест, чаще всего — скрытый.

Основными особенностями политического протеста граждан с использованием цифровых технологий в России являются: ненасильственный характер, децентрализация, вовлеченность все более широких слоев общественности.

Обсуждение особенностей политического участия в цифровую эпоху в России и возникающих при его развертывании вызовов неизбежно затрагивает проблемы повышения градуса общественного недовольства.

По мнению авторов, для разрешения сложившегося в России кризиса политического участия необходим открытый, полноценный, безопасный и уважительный диалог между общественностью и властью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир; 2016. 344 с.
2. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий. *Полис. Политические исследования*. 2016;(6):22–36.
3. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*. 2015;(2):1–14.
4. Баринов Д.Н. Политический дискурс в социальных медиа: специфика производства и факторы эффективности. *Политика и Общество*. 2016;6(138):755–764.
5. Ефанова Е.В. Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России. *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. 2018;18(1):92–95.
6. Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Нон-фикшн; 2017. 200 р.
7. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом; 1996. 672 с.
8. Селлер П. J-кривая Дэвиса. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза. М.: РССПЭН; 2009.
9. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. Пер. с англ. М.: Территория будущего; 2009. 324 с.
10. Ten Eyck T.A. Does information matter? A research note on information technologies and political protest. *The Social Science Journal*. 2001;(38):147–160.
11. Tufekci Z. The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem. *Policy & Internet*. 2014;(6):202–208.
12. Быльева Д.С. Сеть как новый вид пространства. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2016;(2):124–130.
13. Крыштановская О.В. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети. *Вестник ГУУ*. 2018;(6):171–176.
14. Яковлев М.В. Российская демократия: особенности концепта. *Исторические, философские, политические и юридические наук, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013;(1–2):216–218.
15. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство; 2012. 84 с.
16. Gonzalez-Bailon S., Wang N. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*. 2016;(44):95–104.
17. Солдатов А., Бороган И. Битва за Рунет: Как власть манипулирует информацией и следит за каждым из нас. М.: Альпина Паблишер; 2017. 342 с.
18. Baraniuk K. Corpus-Based Analysis as a Method to Identify Russian Trolling Activity. *Polish Political Science Yearbook*. 2017;(1):239–255.

REFERENCES

1. Habermas Jürgen. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Moscow: Ves Mir; 2016. 344 p. (In Russ.).
2. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinovieva E.S., Koposova E.N. State archaization: the role of information technologies. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies*. 2016;(6):22–36. (In Russ.).
3. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*. 2015;(2):1–14.
4. Barinov D.N. Politicheskii diskurs v sotsial'nykh media: spetsifika proizvodstva i faktory effektivnosti. *Politika i Obshchestvo = Politics and Society*. 2016;(6):755–764. (In Russ.).
5. Efanova E.V., Melnichenko D.V. Social media as the tool of public policy in modern Russia. *Izvestia Saratovskogo Universiteta. Seria: Sociology. Politology = News of Saratov University. Series: Sociology. Political Science*. 2018;(1):92–95. (In Russ.).
6. Hoffer E. The True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements. Moscow: Al'pina Non-fikshn; 2017. 200 p. (In Russ.).
7. Arendt H. The origins of totalitarianism. Moscow: TsentrKom; 1996. 672 p. (In Russ.).
8. Seller P. Davis' J-curve. Theory and methods in Modern Political Science: the first attempt at theoretical synthesis. Moscow: ROSSPEN; 2009:371–387. (In Russ.).

9. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Moscow: Territoriya budushchego; 2009. 324 p. (In Russ.).
10. Ten Eyck T.A. Does information matter? A research note on information technologies and political protest. *The Social Science Journal*. 2001;(38):147–160.
11. Tufekci Z. The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem. *Policy & Internet*. 2014;(6):202–208.
12. Byl'eva D.S. The internet as a new type of space. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg University. Humanities and social sciences*. 2016;(2):124–130. (In Russ.).
13. Kryshatanovskaya O., Filippova A.M. Research of political communication: the state and social media. *Vestnik Universiteta*. 2018;(6):171–176. (In Russ.).
14. Yakovlev M.V. Russian democracy: features of concepts. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauk, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political, and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2013;(1–2):216–218. (In Russ.).
15. Sharp G. From Dictatorship to Democracy: A conceptual framework for liberation. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2012. 84 p. (In Russ.).
16. Gonzalez-Bailon S., Wang N. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*. 2016;(44):95–104.
17. Soldatov A., Borogan I. The Battle for the Runet: How the authorities manipulate information and monitor each of us. Moscow: Alpina Publisher; 2017. 342 p. (In Russ.).
18. Baraniuk K. Corpus-Based Analysis as a Method to Identify Russian Trolling Activity. *Polish Political Science Yearbook*. 2017;(1):239–255.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрий Николаевич Дорожкин — доктор философских наук, профессор кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-3507-7337>

dorword@mail.ru

Эмиль Наилевич Гаекулов — аспирант кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-8865-1489>

emil.gaetkulov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yuri N. Dorozhkin — D. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Social and Political Communications, Institute of Oil and Gas Business, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3507-7337>

dorword@mail.ru

Emil N. Gaetkulov — PhD Student, Department of Social and Political Communications, Institute of Oil and Gas Business, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8865-1489>

emil.gaetkulov@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 17.01.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.